А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

badmaeva@ngs.ru

ПОДВОДНЫЙ МИР В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ БУРЯТ *

По народным воззрениям, вода обладала амбивалентными свойствами – жизни (плодородия) и смерти. В ряде шаманских обрядов у бурят предбайкальских родов выполнялось ритуальное очищение и лечение водой. В мифологии прослеживается иерархия связанных с подводным миром мифических персонажей, возглавляемая *Ухан* хатами (водными владыками). На основе этого возник культ водных правителей. У прибайкальских бурят он принял форму промыслового культа, что было обусловлено воздействием хозяйственного фактора – развитием у них рыболовства, главным образом, на Байкале. В мировоззрении бурят с рыбой связываются представления о плодородии. Получил распространение мотив оборотничества мифических водных владык и человека в рыбу. В то же время рыба не считалась покровителем людей, она имела промысловое значение, и запрета на ее добычу не было. Основным фактором, оказавшим влияние на отношение бурят Забайкалья к рыбе и изменившим их традиционные представления и обрядность, связываемые с водой и водными правителями, был буддизм. В сравнении с бурятами-буддистами у бурят-шаманистов рыба имела однозначно положительную коннотацию.

Ключевые слова: буряты, мировоззрение, мифы, обряды, символика, вода, мифические персонажи, рыба.

Вода играет важнейшую роль в жизни человеческого общества, являясь, прежде всего, источником разнообразных биологических ресурсов. Это естественная среда обитания многих видов животного мира, в том числе и рыбы. Неслучайно поэтому подводный мир и его обитатели будили воображение людей, что нашло отражение в мифологии разных народов. В традиционном мировоззрении бурят (часть которых, по поверью, является потомками ихтиофагов) сложилось собственное представление о водной среде, ее мифических обитателях и рыбе. Отечественные исследователи касались

данной части мировоззрения бурят, но ее специального изучения до сих пор не было.

Целью нашего исследования является реконструкция бурятских традиционных представлений о подводном мире. Источниками работы послужили в основном мемуарные и архивные материалы.

Вода рассматривалась в традиционном мировоззрении бурят как одна из сфер мироздания, обладающая, прежде всего, свойством плодородия. В особенности это было относительно к крупнейшему природному водоему Юго-Восточной Сибири – Байкалу: со-

* Исследование проведено при финансовой поддержке проекта НИР «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

гласно легендам, озеро выступало местом зачатия и рождения прародителей основных этнических подразделений бурят (булагатов, эхиритов и хори) [Жамбалова, 2000. С. 107]. Порождающая функция воды прослеживается и в мифе о появлении жизни на Земле: в первородном океане первыми зародились рыбы, от которых возникли птицы, а от одной из них – белого журавля, произошли полубоги и люди [Там же. С. 196].

Бурятия богата минеральными природными источниками (*аршанами*), и в традиции бурят прочно вошли различные формы лечения такими водами (прием ванн, полоскание, питье). Впервые данный факт отмечался еще в литературе второй половины XVIII в., при этом указывалось на сакрализацию бурятами таких мест [Паллас, 1788. С. 348–350]. Водолечение осуществлялось и при болезни бешенством: известный пример тому – купание больных в водах оз. Аляят (аларские буряты верили в целебные свойства данного озера). На тех же воззрениях основывалось лечение укушенной клещом лошади – больную лошадь обливали холодной водой или многократно купали в горной речке¹.

У предбайкальских бурят с водой были связаны шаманские обряды. Один из обрядов детского цикла – *уһан будля* «водное омовение», когда обращались к покровительству «юношей как тростник» и «девушек как грибы», которые будто бы могли дать здоровье грудному ребенку. При обряде *уһан тарим* «водный заговор» в лечении больного просили помощи у небесных «белых западных» кузнецов [Хангалов, 1958. С. 496–497, 507–509]. В обоих случаях использовали святую воду *аршан*, настоящую на листьях сибирского можжевельника и чабреца, в которую макали травяной или тростниковый веник для хлестанья ребенка или больного человека.

С другой стороны, в представлениях бурят вода несла еще и символику смерти. Опасность, исходящая от воды, считалась не меньшей, чем от огня. Это, в частности, передается в пословице: *Гал уһан хоерой гай аюул ехэ* «Огонь и вода – большая беда». Поэтому, например, перед пересечением озера или реки обязательно приносили жертву его (ее) духу-хозяину.

С учетом данных обстоятельств можно констатировать, что вода вызывала у бурят амбивалентные чувства.

Согласно их традиционному мировоззрению, земные и небесные воды имеют единую природу и управляются богом-творцом (он же бог-громовержец) [Дугаров, 1991. С. 154]. Однако, по другой версии, *Заяан Сагаан тэнгри* «Творец Белый небожитель» являлся главой западных небожителей, а божеством грома и молнии был *Хухоодэй мэргэн*, глава северных тэнгриев [Михайлов, 1987. С. 13]. Диалектизм *хухоодэй* соответствует в бурятском литературном языке слову *хухэтэй* («с топором», поэтому дословным переводом имени бога-громовержца будет «Меткий стрелок с топором», иначе «Искусный метатель топора» (сокращенно «Топор-мырген»).

Буряты полагали, что окружающая водная среда заселена различными мифическими существами. В воззрениях бурят очевиден перенос на подводный мир черт земной жизни, прежде всего соответствующей социальной структуры. На основе фольклорных текстов можно выстроить рожденную народным воображением иерархию таких водных обитателей.

Легенда гласит, что по велению бога-творца опустились в морскую пучину сын западного тэнгрия (небожителя) *Гэрэл-нойон* с семьей, известные в мифологии бурят предбайкальских родов как *Уһан* хаты [Хангалов, 1958. С. 426]. Этот акт ниспослания власти от сакральных сил (добрых небожителей западной части Неба) подводному миру свидетельствует о процессе адаптации бурят к природной среде через построение картины мира и ее элементов.

Для понимания семантики водного пространства важен анализ имен *Уһан* хатов. Так, в именах упомянутого выше *Гэрэл-нойона* и его супруги *Туяа-хатан*, представляющих апеллятивы и синонимы, передается их небесное (солнечное) происхождение: *гэрэл* «луч, свет» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 173], *туяа* «луч, сияние» [Там же. С. 440]. Их солнечную природу косвенно подтверждает то, как они спустились с небес на священную гору Сэмбэр: мостом между мирами им послужили цветные лучи [Хангалов, 1958. С. 427]. Но есть и другое мнение, по которому их имена «олицетворяли блеск воды и зеркальную ее поверхность» [Там же. С. 314].

¹ ЦВРК ИМБИТ СО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Л. 1.

Между тем первая часть имени (выражающая признак предмета) их сыновей *Уха Лубсан* и *Далай Лубсан*, а также жены первого из них, *Уха Дабаа*, указывает на водную ипостась (*yha(n)* «вода» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 484], *далай* «океан, море, большое озеро» [Там же. С. 183]). Заметим, что сами личные имена этих персонажей являются тибетизмами: *Дабаа* от *zla-ha* «понедельник, луна» [Митрошкина, 1987. С. 149], *Лубсан* от *blo-bzan* «хороший ум» [Там же. С. 150]. А это может служить свидетельством тибетского влияния на религиозно-мифологические представления бурят предбайкальских родов и относительно позднего появления этих персонажей в пантеоне божеств.

В эпических и других произведениях устного творчества бурят *Уха Лубсан* предстаёт повелителем водной стихии, но вот образ его брата *Далай Лубсана* никакого развития в них не получает. Вероятно, это объясняется тем, что местообитанием последнего рассматривалась далекая и неизвестная бурятам часть водного пространства – океанские просторы.

В число *Ухан* хатов включали *Дошхон-нойона* (*дошхон* «свирепый» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 199]) и *Дольеохатан* (*долгёо(н)* «волны» [Там же. С. 193]), воплощавших физические свойства воды [Хангалов, 1958. С. 314].

Считалось, что у морского владыки, чей дворец располагался на дне Желтого моря, имеются приближенные, которые тоже были *Ухан* хатами: «державшие повод коня» во время его путешествий *Ута-Характа-нойон* и *Урянхай* – «ныряльщик», при жизни бывший шаманом; катавшие его по глади моря «лодочники» – покровители рыболовства супруги *Гохоши-нойон* и *Хельмеш-хатан* [Хангалов, 1958. С. 427] (их имена являются производными от бурятских названий рыболовной снасти – *гохо* «крючок, багор» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 158] и *хилмаа(н)* «удочка» [Там же. С. 571]). В последнем случае нашли отражение такие традиционные способы рыболовства бурят, как лучение и ловля удочкой.

Как выясняется, не все из водных правителей были представителями светлых сил. Дочери *Уха Лубсана*, воинственная *Алма Мэргэн* «Широкий меткий стрелок», супруга эпического героя *Абай Гэсэра*, и *Уха Хаялуур* «Выбрасывающая воду», по одной из ле-

генд, родившая Эхирита, мифического первопредка одноименного племени, наделялись хтоническими чертами. Об амбивалентности образа *Ухан* хатов можно судить по тому, что имя одной из них было *Гульбэрэ-хатун* «Ящерица-госпожа». Кроме того, по легенде, им принадлежали «озеро, наполненное лягушками» и «луг, кишущий змеями» [Хангалов, 1958. С. 314], а змеи и лягушки, как, впрочем, и ящерицы, считались существами Нижнего мира.

Специально выделяли эжинов (духов-хозяев) больших озер (Байкала) и рек (Селенги, Ангары и Лены), входивших в число 13 особо почитаемых «нойонов северной земли» [Нацов, 1995. С. 13; Хангалов, 1958. С. 311] и сонм духов-хозяев других водных источников. Например, *Буха-нойон-бабай*, которого считали западным хатом и первопредком булагатов, эхиритов и хори, рассматривался как хозяин Байкала, а *Ажирай-бухэ*, покровитель воинов и восточный хат, – реки Лены. В функционал некоторых из них, как полагали, входила защита от болезней. Для примера, аларские буряты обращались к духу-хозяину оз. Алят при простудных заболеваниях².

Наконец, по народным представлениям, подводный мир населяли положительные и отрицательные духи более низкого порядка. К первым относили духов-хозяев, дарующих улов и излечивающих от болезней, особенно почитали *yha угал* «водой умывающих», помогающих выздоровлению детей. Вредоносными были *yhanай бохоолдой* «водяной черт» и дух, путающий людей в тумане.

Иерархия водных существ в буддийской картине мира была иной, чем в представлениях бурят-шаманистов. Буряты-буддисты верили в существование владыки вод *Лусууд хаана* «правителя драконов», или иначе *Гушин зурган лусада*; его второе именование указывает на то, что он управлял 36 лусами (*лусууд сабдаг*) – водными духами-драконами. Последних подразделяли на белых, синих и черных [Потанин, 1881. С. 262]. Жертвоприношения им совершали в разное время года (белым лусам жертву приносили зимой, синим – весной, черным – летом), исходя из того, что в конкретный сезон активна одна из групп таких духов. Отметим, что

² ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

образ *Лусууд хана* был положительным, о чем свидетельствует еще одна его номинация – *бурхан* «божество» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 115] вод. Таким образом, и в шаманской, и в буддийской традиции мифический владыка вод представлял собой светлое божество.

В сюжете о нисхождении *Унан* хатов с небес в подводный мир обращает внимание образ проводника между мирами – орла с оперением «цвета синей воды» [Хангалов, 1958. С. 312]. Представляется, что необычный окрас его оперения должен был подчеркнуть связь мифической птицы с водной стихией. Почему для этой миссии был выбран именно орел, объясняет традиционное отношение бурят к данной хищной птице. Орел (точнее императорский орел), по их представлениям, был сыном духа-хозяина Ольхона, одного из 13 могущественных «северных хозяев», и почитался как крылатый тотем у некоторых шаманских родов. Он также считался посланником небес и в качестве такового попадал в подводный мир.

В бурятских мифах о водных существах прослеживается мотив оборотничества. Полагали, что *Унан* хаты, когда впервые оказались в подводном мире, обратились в «кита с 13 плавниками» [Хангалов, 1958. С. 312]. С тех пор каждую осень *Гэрэл-нойон*, главный из водных правителей, в китовом обличи погружался на дно Байкала, а весной, после зимовки, превратившись в чудовищного дракона, вырывался из вод в небеса и оттуда издавал гром и молнии, извергал грозы и дожди [Дугаров, 1991. С. 154]. Понятно, что образ *Гэрэл-нойона* демонстрирует связь небесной и земной воды, передает цикличность природных процессов. Допустимо говорить, что через него буряты интуитивно подошли к мысли о круговороте воды в природе. Нельзя не заметить, что функционал *Гэрэл-нойона* в определенной степени идентичен тому, что приписывается богу-громовержцу. Однако если фигура бога-громовержца, по мнению исследователей, имеет индоевропейское происхождение [Там же. С. 273], то образ дракона обнаруживает явно восточноазиатские корни.

Далее обратимся к традиционным воззрениям бурят об основном представителе ихтиофауны Байкальского региона – рыбе.

В бурятском языке используется собирательное название рыб – *загана(н)-загаса* «рыба», свидетельствующее о выделении их

в отдельную группу в народной классификации животного мира. Относительно самой классификации заметим, что в ней критерии деления животных на группы отличны от критериев биологической науки. Для примера, байкальская нерпа, являющаяся ластоногим млекопитающим из семейства тюленей, именовалась бурятами *хаб загана(н)* [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 243], т. е. была, по их представлениям, одним из видов рыбы. В данном случае определяющим признаком для отнесения к группе была сфера обитания животного.

По традиционным воззрениям бурят предбайкальских родов, рыба обладает положительной коннотацией. В первую очередь с ней связывали идею плодородия. В этом можно удостовериться при анализе генеалогических мифов и источников XVIII в. В них рыба (налим, омуль) ассоциируется с мужским началом: в мифе о происхождении эхиритов их прародителями выступают отец *Пестрый налим* и мать *Береговая щель*; в другом повествовании девушка беременеет от того, что ее касается своим хвостом налим. Кроме того, рыба несет ясно выраженную генитальную символику, например, в рассказах о бурятских шаманах XVIII в. и о чудесах, сотворенных ими.

Исходя из критерия съедобности, большинство бурят предбайкальских родов воспринимало рыбу как «чистое» животное. Однако для беременной женщины действовал запрет на ее употребление, основанный на представлении, что если она попробует рыбу, то будущий ребенок долго не будет говорить [Копылов, 1886. С. 559]. Иное дело, южноселенгинские буряты: они, помимо упомянутой выше общепурятской номинации, называли рыбу *уһан хорхой* «водяной червь», тем самым приближая ее к змееобразным существам на основании такого признака, как наличие длинного извивающегося тела. Отсюда проистекало пищевое избегание ими рыбы, но, как показывает исторический материал, не всегда строгое и повсеместное.

Видовое разнообразие рыбы Байкальского региона имело слабое отражение в представленном комплексе бурят. Можно назвать только тайменя и налима, символика, связанная с ними, прослеживается в их мировоззрении. При этом элементы сакрализации, свидетельствующие о былом культе, отмечались в отношении лишь налима. Как

уже было сказано, налим *гутар* почитался эхиритами как тотем. Кроме того, в обрядах, посвященных *Ухан* хатам, эта рыба нередко выступала в качестве живого *онгона* (животного, отданного какому-нибудь божеству или духу-хозяину), которого после обрядовых действий отпускали обратно в воду. О сакральности налима в культуре бурят свидетельствует, в частности, использование его кожи при изготовлении шаманской плетки, материалом для которой был также тальник, считавшийся священным деревом.

Еще один момент, который следует отметить в мировоззрении бурят, это отсутствие выраженной иерархии рыб. В мифах рисуется образ гигантской рыбы *абарга*, но и она не наделялась главенствующей ролью. Объясняется данная ситуация тем, что косяки рыбы считались стадом владыки вод, от благосклонности которого или подчиненных ему духов-хозяев будто бы зависела рыбацкая удача.

Примеры оборотничества в бурятском фольклоре связаны с принятием людьми рыбьего обличья, как, например, в рассказе о слепом Зулгуй, который превращался в тайменя, чтобы помочь сыновьям добыть рыбу; по легенде, в налима оборачивалась также девушка-утопленница [Потанин, 1881. С. 184].

В культе *Ухан* хатов рыбе придавали большое значение: она выступала и в качестве атрибута, и в качестве жертвы. У предбайкальских бурят в зависимости от их родовой принадлежности и хозяйственного уклада сроки проведения коллективного жертвоприношения водным правителям *тайлаган* варьировали: у одних это было в первые дни августа (по православной традиции в Ильин день), у других – осенью и зимой [Хангалов, 1958. С. 119], а у третьих – в середине мая перед рыбным промыслом (в данном случае следует говорить о промысловом культе). Жертвоприношение также совершали в засуху, прося мифических покровителей пролить на землю дождь³. Особенностью последнего обряда было проведение его стариками.

Во всех этих ритуалах, кроме домашнего рогатого скота, молока и молочного вина, жертвовали жареную рыбу. На промысле полагалось подносить такую рыбу мифическому Гохоши-нойонн, обращаясь к нему с

просьбой о хорошем улове [Хангалов, 1958. С. 313].

Кроме *Ухан* хатов совершали ритуальное кормление жареной рыбой некоторых местных духов-хозяев (например, *Хуһан тоодэй* «Березовой бабушки»). Любопытно, что закаменские буряты данной пищей почитали *Батор-хана* – русского казака, убитого во время событий, сопутствовавших проведению государственной границы⁴.

У прибайкальских (ольхонских, кударинских и баргузинских) бурят, которые сформировались как отдельные этнотерриториальные группы в результате миграции бурятского населения из Предбайкалья и в новых экологических условиях развили рыболовецкие традиции, культ водных владык имел форму промыслового. Кударинские буряты проводили коллективное жертвоприношение *Далайн тайлган* «Жертвоприношение морю (Байкалу)» в конце мая перед путиной. Непосредственно перед выходом на промысел в рыбацких артелях был обязателен также обряд *сасали* «брызгания» хозяину Байкала. Прибайкальские буряты-рыбаки просили богатый улов и защиты у водных владык от опасностей во время рыбной ловли, при этом ритуальной пищей выступали продукты, приготавливаемые с использованием молока (молочная водка, чай с молоком, масло) (ПМА).

Буряты-буддисты чтили мифического владыку вод бескровной жертвой (злаками и молоком домашнего рогатого скота, имеющего белый окрас шерсти и потомства [Нацов, 1995. С. 59]).

В традиции бурят предбайкальских родов было принято изображать *Ухан хата* на петроглифах и онгонах в виде рыбы. Понятно, что такая символика была неслучайна и вызвана рассмотренной выше идеей оборотничества владыки вод.

Вообще же изображение рыбы выполнялось еще на родовых тамгах, но только забайкальских бурят. Они встречались трех видов: *жараахай тамга* «знак пескарь»; *загаһан тамга* «знак рыба»; *тухэрезн загаһан тамга* «знак круглая рыба» – парное изображение расположенных по кругу, противоположно направленных и полусвернувшихся рыб [Михайлов, 1993. С. 9]. Последний знак собственности означал

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. Балданжапова (БА). Оп. 1. Д. 20.

единство семьи, т. е. нес идею плодородия. Учитывая религиозную принадлежность данных бурят, можно утверждать, что такие клейма появились под влиянием буддизма.

По традиционному мировоззрению бурят, земля и вода являются частью Среднего мира. Неслучайно поэтому обряды, связываемые с божеством земли и владыками вод, имеют общие черты. Исследователями, в частности, указывается, что только на так называемые Ёрдынские игры, посвящаемые богине земли Ёрд, и на тайлаган водяным хатам допускались женщины, и всеми исполнялся круговой танец *хатарха* [Дугаров, 1991. С. 147].

Определенный отпечаток наложило занятие рыболовством на традицию имянаречения у части бурят предбайкальских родов. Так, у них была известна группа мужских имен-оберегов, производных от названий небольших рыб: *алгана* «окунь», *зоодой* «ерш, карась, низкосортный омуль», *жараахай* «пескарь» [Митрошкина, 1987. С. 83]. Возникновение таких имен, а на их основе фамилий, происходило в русле традиционной практики наречения охранными именами.

Подводя итоги, отметим, что в традиционном мировоззрении бурят подводный мир занимал вполне определенное место: с ним был связан корпус представлений об *Ухан* хатах и других мифических персонажах, а также о рыбе. На основе этих воззрений у бурят сложились локальные культы водных правителей, появились отдельные обряды. Эти обрядность и мировоззрение подверглись трансформации под влиянием таких факторов, как религиозный (принятие буддизма частью бурят) и хозяйственный (развитие у бурят Прибайкалья рыболовства).

Список литературы

Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.

Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

Копылов В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов // Труды

православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1886. Т. 4: 1878–1883. С. 550–580.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропониμία. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Михайлов В. А. Тамги и метки бурят в конце XIX – первой половине XX века. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 68 с.

Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.

Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1. 634 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881. Вып. 2: Материалы этнографические. 181 с.

Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.

Список источников

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд Балданжапова (БА). Оп. 1. Д. 20 // Материалы, собранные П. Б. Балданжаповым в Тункинском, Курумканском районе в мае-июне 1962 г. 219 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд 26. Оп. 2. Д. 15. Статья Ж. А. Зимина «Рыбный промысел на оз. Алят и связанные с ним традиции». 15 л.

A. A. Badmaev

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

badmaevaa@ngs.ru

UNDERWATER WORLD IN THE TRADITIONAL BURYAT WORLDVIEW

Purpose. The article reconstructs the traditional views on the underwater world spread among the Buryats.

Results. In the Buryat culture, water is considered as a special substance with complicated characteristics. The underwater world is perceived as a part of the Middle world inhabited by mythical and real creatures. According to folk beliefs, water had ambivalent properties connected with life (fertility) and death. The Buryats were aware of mineral springs' healing influences, but they also believed that water of other water sources had some healing effect as well. Shamanic rites practiced among the families of the Predbaikal'sky Buryats (those living around Lake Baikal) included ritual purification and healing with water. The Buryat mythology demonstrates a hierarchy in the underwater world among the mythical characters inhabiting it. The superior creatures are Ukhan khats (water rulers). On the basis of these beliefs, the Buryats had a cult of the water rulers, who required seasonal sacrifices and rites of worship. The cult had some local variants. Among the Pribaikal'sky Buryats there was a fishery cult. It developed due to the impact of the economic factor as in addition to cattle breeding they practiced fishing, mainly in Lake Baikal. In the Buryat worldview, fish is associated with fertility. They believed in lycanthropy, when mythical water-rulers and people could turn into fish. Some Buryat groups worshiped only such fish as burbot and taimen (lax). At the same time, fish was not considered patronizing people. Having a commercial value, fishing was not banned. In the rites practiced by separate groups of the Buryats, fish was represented as both a victim and an attribute. For instance, the Predbaikal'sky Buryats had a tradition of collective sacrifice to Ukhan khats and performed a ritual of feeding them with fried fish. This fish was a victim in the rites of worship for some spirit-owners of the area. The attributive function of fish was in considering fish as a live ongon (animal devoted to a particular deity or spirit-owner). Buddhism greatly influenced the attitudes of the Zabaikal'sky Buryats concerning fish and changed their traditional beliefs and rituals associated with water and water rulers. In contrast to the Buddhist Buryats, Shamanist Buryats attributed only positive connotations to fish.

Conclusion. In the traditional Buryat worldview, the underwater world played a great role. A whole body of ideas about Ukhan hats and other mythical characters, as well as fish, was associated with it. On the basis of such beliefs, the Buryats formed local cults of water rulers and performed different ceremonies worshipping them. These rituals and world views underwent a transformation under the influence of religious and economic factors such as the introduction of Buddhism and development of fishing among the Pribaikal'sky Buryats.

Keywords: the Buryats, worldview, myths, rituals, symbols, water, mythical characters, fish.

References

- Buryatsko-russkii slovar'. Sostavitel' K. M. Cheremisov [Buryat-Russian dictionary. Compiler K. M. Cheremisov]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (in Buryat., Russ.)
- Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo fol'klora buryat) [The historical roots of white shamanism (on the material of ritual folklore of the Buryat)]. Moscow, Nauka, 1991, 300 p. (in Russ.)
- Khangelov M. N. Sbranie sochinenii [Work collection]. Ulan-Ude, Buryat publish. house Publ., 1958, vol. 1, 551 p. (in Russ.)

Kopylov V. Religioznye verovaniya, semeinye obryady i zhertvoprinosheniya severobaikal'skikh buryat shamanistov [The religious beliefs, family rituals and sacrifices of the north-baikal Buryats-shamanists]. *Trudy pravoslavnykh missii Irkutskoi eparkhii* [The writings of orthodox missions of Irkutsk diocese]. Irkutsk, 1886, vol. 4: 1878–1883, p. 550–580. (in Russ.)

Mikhailov T. M. Buryatskii shamanism: istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii [Buryat shamanism: history, structure and social functions]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 288 p. (in Russ.)

Mikhailov V. A. Tamgi i metki buryat v kontse XIX – pervoi polovine XX veka [Buryat signs and labels at the end of XIX – first half of XX century]. Ulan-Ude, ONTS Sibir' Publ., 1993, 68 p. (in Russ.)

Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya [The buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)

Natsov G. D. Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of the Buryats]. Introduction, translation and notes made by G. R. Galdanova. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1995, part 1, 156 p. (in Russ.)

Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii, byvshee v 1768–1769 gg. [The journey through various provinces of the Russian empire in 1768–1769]. St.-Petersburg, 1788, part 3, book 1, 634 p. (in Russ.)

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1867–1877 gg. po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva [Sketches of North-Western Mongolia: Results of a journey performed in 1867–1877, on behalf of Imperial Russian Geographical Society]. St.-Petersburg, Tip. V. Kirshbaum Publ., 1883, iss. 4, 1029 p. (in Russ.)

Zhambalova S. G. Profannyi i sakral'nyi miry ol'khonskikh buryat (XIX–XX vv.) [The profane and sacred worlds of Olkhon Buryats (XIX–XX centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 400 p. (in Russ.)